

Свердлова Л. Костромской драм. Тр. 18-86
Островского

ТЕАТРАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

14

ПОРТРЕТ

Сергей ЕСИН

ПРИЗНАНИЕ АКТРИСЕ ИЗ КОСТРОМЫ

Кольцова («Чрезвычайный посол»)

Заслуженная артистка РСФСР, артистка Костромского драматического театра имени А. Н. Островского Л. Свердлова определено мешает мне писать и свободно развиваться как драматургу.

Правда, в начале нашего знакомства, а состоялось оно несколько лет назад, этого не было. К моему творчеству она отнеслась в меру заинтересованно, вежливо, я бы даже сказал, поощрительно. Неизменно улыбалась, встретивши меня где-нибудь за кулисами, во время моих наездов из Москвы в Кострому, спрашивала о погоде, о состоянии текущего московского репертуара и даже интересовалась моими творческими успехами.

Тем временем — актерские улыбочки улыбочками, а делом — я ревизовал талант и биографию одной из ведущих актрис театра.

Может быть, о побудительных причинах этой ревизии? Хорошо, но чуть позже, сначала о ее результатах. А результаты разнообразны, как летнее разнотравье.

Где законченное высшее театральное образование? Боже мой, его нет! Только это уже способно вызвать тревогу у автора, пьесу которого собирается ставить театр. (Кстати, здесь я уже открываю тайную причину своего добровольного расследования.) Но, с другой стороны, у знаменитой Ии Савиной тоже, кажется, нет этого специального образования, а играет очень и очень не плохо. А может быть, существует некий театально-заочный ликбез?.. Из-за кулис какого-нибудь прославленного театра скромная девочка (уборщица или костюмерша) наблюдает игру прославленных актрис, гладит им юбки и запоминает улыбки и поступь, и вдруг в один прекрасный миг... кто-нибудь заблуждается, исчезает, выходит замуж. Увы! И эта обаятельная и универсальная театральная легенда тоже не ложится в театральную биографию артистки. Никакого прославленного театра, кроме самодеятельного, у Свердловой до ее первого в жизни профессионального — в Пскове — не было.

Или так: родители навеки соединили свою жизнь со сценой — вариант «Льва Гурыча Синичкина». Или: старшие братья, сестры — актеры и актрисы, бабушка, когда-то влюбленная в провинциального трагика, ну, на худой конец, престарелая тетка — театральная деятельница. И здесь, увы! Родители — ленинградцы. Люди как люди, даже запросы культурные, как сейчас бы сказали, на уровне скорее телевизора, нежели театра или изыска филармонии, а тетка... Тетка мечтала только об одном: выдать свою племянницу, овладевшую чрезвычайно непростой для своего юного возраста специальностью чертежницы, замуж за дальнего и очень положительного родственника. Выйдет замуж, и все легкомысленные театральные идеи из ее хорошенькой головки упорхнут. Все до единой. А молоденькая чертежница хотела... Совсем она не хотела играть и блистать на сцене. Чертежницу почему-то больше привлекала эстрада. Чертежница хотела с эстрады читать. Да, да, стихи, рассказы, басни. Также мне Яхонтов, Валентина Попова, Людмила Кайранская!

И в общем у чертежницы это получалось. Пришла в студию художественного слова Выборгского дворца культуры. Почитала, постеснялась, прижилась. А потом театр все же свое взял.

Театров у Свердловой было всего три: в Пскове, в Лиенае и в Костроме. А может быть, справедлива истина — от добра добра не ищут, и количество театров и актера часто бывает обрат-

Филумена («Филумена Мартурано»)

но пропорционально количеству и качеству (а это, как правило, взаимосвязано) сыгранных ролей. Во всех трех театрах с ролями у Свердловой все было в порядке. И здесь, конечно, прорисовывается список. Но ведь это скучное дело: придется переписывать главные и основные роли ходового репертуара последних двадцати лет. Да потом спектакли эти я не видел, а список будет слишком длинным. Впрочем, две роли имеют, видимо, для Свердловой особое значение: Марии Стюарт из одноименной пьесы Шиллера и Елены Кольцовой из пьесы «Чрезвычайный посол» А. и П. Тур. Два этих портрета висят на стене в скромной однокомнатной квартире.

Об этих ролях мне тоже писать не придется, не видел, не довелось. А жаль. Здесь можно было бы сделать очень интересные выводы: одна роль требует страсти, голоса, пафоса, другая — всего того же самого и еще социальной мудрости, что ли, гражданской точности.

Наблюдая Свердлову в репетиционном зале, я всегда думал: вот талант, бывают актеры, которые каждое произнесенное слово, каждый жест делают органичным, оправданным. И вот так я радовался, когда был на одной из первых репетиций своей пьесы «Гибкая пластика!» Потом главный режиссер В. А. Симакин с дальнейших репетиций меня выводит: «Очень уж умничаешь, увидишь все на премьере». А тогда я глядел на Свердлову и радовался, как она органична, закигательна, неожиданна. И главное — как легко работает. А играла она на редкость дурную и хитрую бабу. Я тогда еще, правда, расстраивался...

И вот, когда сидели мы в скромной квартире со Свердловой и Симакиным в свободный от спектаклей и репетиций вечер — возле больших портретов, а из коридора — дом панельный, рабо-

чий — доносилось шарканье шлепанцев, — я спросил, полагая, что ответ будет легкий, светский, эдакий моцартианский. Я спросил: а много приходится работать над ролями? И ответ был — в нем, правда, лишь на секунду, прозвучала отчаянная усталость грузчика, всю жизнь проведшего в доках: «Много. Вообще-то много. А иногда ночью проснусь и лежу, всю роль по репликам перебираю, про себя и так пройду, и эдак...»

С грустью расстаемся мы со своими легендами, что кому-то что дается легко...

А тогда, в 83-м году, я радовался, глядя, как репетирует Свердлова эту гнусную, отвратительную бабу, родившуюся под моим пером. Она «обичала» все ремарки, брала то, что кто-нибудь не мог или не хотел использовать, «обстреляла», как я понял, и мою повесть в «Дружбе народов», на основе которой построена пьеса. И все это как-то ловко и стремительно ассимилировалось, переплавлялось, становилось некой значительной и — что греха таить, — может быть, более укрупненной, чем у драматурга, художественной данностью. И еще тогда же бросилось в глаза: каждый повтор Свердловой делался в полную силу, как на спектакле. Она не прошептывала, не проходила в полноты, а крепко выговаривала каждое слово. Да, кстати, и слова знала в той последовательности, которой их написал автор, и именно те, которые он написал, а не приблизительный, близкий по смыслу текст.

Любят актеры и режиссеры упоминать о недолговечности своего искусства: пройдет время, из репертуара исчезнет спектакль, и нет ничего — только отголоски былых успехов и неудач в рецензиях, в обрывках телевизионных репортажей, в молве и воспоминаниях поклонников. Да, это все так, но зато с каким задором и быстротой врезаются театральные впечатления, образы, созданные артистами, в

память зрителя, как мощно захватывают своей властью его, как крепко жмутся в его душе всю порой жизни. Каждый театральный город хранит такие зрительские легенды. Сгущается ветер театальной славы — пусть зональный, областной — и над головой Свердловой. Театральные старожилы в антрактах, перебивая друг друга, шепчут: а ты помнишь ее в том спектакле, а помнишь в другом...

Ну разве кто-нибудь угонится в памяти за старожилками? Но они — эти Гомеры лицейства — помнят и считают все. И по тому, как привечают они талант Свердловой, по тому, как нередко в конце спектакля, даже если не совсем полный зал — Кострома, конечно, не Париж, — истоиво кричат «браво», «Свердлова», по тому, как не столь часто, но приносят на спектакли зимой рыночные цветочки, становится ясно, что актриса в городе завоевала любовь.

Что ж, и я теперь стал носителем неких театальных костромских легенд. Правда, легенда в чужих устах выглядит наивно, но уже во время первых репетиций «Гибкой пластики» вечерами, в других спектаклях, я приглядывался к «своим» актерам.

Мария Стюарт («Мария Стюарт»)
Фото Ю. Калининкова

ту мужикам-то как выглядеть все равно, на то они и мужики, но ведь Свердлову-то я в «Бедности не порок» не узнал. Узнал — не узнал заслуга здесь, может, и небольшая, но ведь дама, а тут старуха, уже махнувшая вроде на себя, суетящаяся выдать по любви дочь. И какая исконная, какая точная в своей русской речевой незамутненной напевности. И это у «речевички» Свердловой с ее неизменно точным орфоэпически нормированным произношением.

В развитии «сюжета» должен сказать, что чуть позже видел Свердлову в другом спектакле по пьесе А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». И ее дуэт с другой «старухой» — Пелагея и Фетинья — Свердлова — Аркадьева — это незабываемые страницы моих костромских впечатлений. Я видел этот дуэт сразу же после «Мудреца...» в постановке Г. Тобстоногова. Правда, здесь и Аркадьева была на грани своих актерских полетов.

Тогда на «Бедности...» возникла лишь идея: ничего себе диапазончик — от Ларисы Огудаловой в «Бесприданнице» до Пелаги в «Гроше». Потом идея эта развернулась в целое размышление: почему одни актеры, переходя из ампулы в ампулу, как-то теряют свои профессиональные навыки, почему так легко молодые актеры, подаяние часто блестящие надежды, с возрастом увядают, как бы сереют, теряют индивидуальность. Теряют человеческую индивидуальность или обаяние молодости? И почему настоящий талант (и настоящая заинтересованность (безрассудная с точки зрения прагматика) оборачиваются успехом, с годами крепнут, совершенствуются?

Нет, на эти вопросы пусть дают ответы или теоретики театального дела, или сами актеры. Это не по нашей специальности. Симптоматично то, что пришли они мне в голову после просмотра спектаклей с участием актрисы из Костромы.

Вот так и возникает любовь. Правда, чтобы не бушевали кривотолки в сложном закулисном мире, сразу оговорюсь, любовь — признательность, любовь — уважение, любовь — восхищение зрителя к актрисе.

Пишу, пишу и все же не могу выразить, что же в ней главное, основное. Может быть — об этом стало модным говорить — тот магнетизм, которым она обладает на сцене. А действительно, если бы можно было проверить всю труппу на наличие такого поля, а? В одном уверен: в случае со Свердловой возникло бы «зашкаливание». На зашкаливание и остановимся. Нет? От чего там до чего один шаг?

Так вот. Небольшой эпизод моей творческой жизни — работа над пьесой для Костромского театра — оказался чреват. Ой, как удивительно приятно пахнут кулисы, и сколько красоты в жемчужных нитках театальных ярусов. Сажу и сочиняю новую, как мне кажется, теперь уже «удачную» пьесу. Сажу, вспоминаю советы главного режиссера, сочиняю, слышу над ухом голоса героев и мысленно уже распределяю роли в будущем спектакле. И вот тут очень мне начинает мешать Людмила Свердлова. Потому что совсем неожиданно для меня решаю: хорошо бы эту роль сыграла Свердлова, и эту — Свердлова, и в той, эпизодической, была бы она удивительно хороша. И вот так, размечтавшись, начинаю тихо, с яростью думать: за что? Ну почему актриса так беспардонно вмешивается во внутреннюю жизнь драматурга. За что?

А впрочем, пусть вмешивается.

ЛЮ